

БОЛЬШИЕ

NF

КНИГИ

Николай
Бердяев

СМЫСЛ ИСТОРИИ
♦
РУССКАЯ ИДЕЯ
♦
САМОПОЗНАНИЕ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 141.82
ББК 87.3(2)6
Б 48

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-20893-3

© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2022
Издательство АЗБУКА®

СМЫСЛ ИСТОРИИ

Предисловие

Русская мысль в течение XIX века была более всего занята проблемами философии истории. На построениях философии истории формировалось наше национальное сознание. Не случайно в центре наших духовных интересов стояли споры славянофилов и западников о России и Европе, о Востоке и Западе. Еще Чаадаевым и славянофилами была задана русской мысли тема по философии истории, ибо загадка России и ее исторической судьбы была загадкой философии истории. Построение религиозной философии истории есть, по-видимому, призвание русской философской мысли. Самобытная русская мысль обращена к эсхатологической проблеме конца, она окрашена апокалиптически. В этом отличие ее от мысли Запада. Но это и придает ей прежде всего характер религиозной философии истории. Я всегда особенно интересовался проблемами философии истории. Мировая война и революция обострили этот интерес и направили мои занятия преимущественно в эту сторону. У меня созрел план книги по основным проблемам религиозной философии истории, который был положен в основание лекций, прочитанных в Москве в Вольной академии духовной культуры в течение зимы 1919/20 г. Записи этих лекций положены были в основание этой книги. Прилагаю к книге написанную в 1922 г. статью «Воля к жизни и воля к культуре», которая очень существенна для моей концепции философии истории.

ГЛАВА I

О сущности исторического. Значение предания

Исторические катастрофы и переломы, которые достигают особенной остроты в известные моменты всемирной истории, всегда располагали к размышлениям в области философии истории, к попыткам осмыслить исторический процесс, построить ту или иную философию истории. Так бывало всегда в прошлом. Первая замечательная философия истории, которая была построена в христианский период всемирной истории, философия истории Блаженного Августина, в значительной степени предрешившая дальнейшие построения философии истории, совпала с одним из самых катастрофических моментов всемирной истории — с крушением античного мира и падением Рима. Та своеобразная философия истории, которая была в дохристианскую эру, эта первая философия истории, которую знает человечество, — Книга пророка Даниила, также связана с исключительно катастрофическими событиями в судьбе еврейского народа. После Великой французской революции, после Наполеоновских войн мысль человеческая тоже обратилась к построениям в области философии истории, к попыткам так или иначе постигнуть и осмыслить исторический процесс. В мирознании Ж. де Местра и Бональда немалую роль играет философия истории. Я думаю, что не может быть особенных споров о том, что не только Россия, но и вся Европа и весь мир вступают в катастрофический период своего развития. Мы живем во времена грандиозного исторического перелома. Началась какая-то новая историческая эпоха. Весь темп исторического развития существенно меняется. Он не таков, каким был до начала мировой войны и последовавших за мировой войной русской и европейской революций, — он существенно иной. И темп этот не может быть назван иначе как катастрофическим. Открылись вулканические

источники в исторической подпочве. Все заколебалось, и у нас получается впечатление особенно интенсивного, особенно острого движения «исторического». Я думаю, что это острое чувство особенно важно для того, чтобы мысль человеческая и сознание человеческое обратились к пересмотру основных вопросов философии истории, к попыткам построить по-новому философию истории. Мы вступаем в эпоху, когда к этим проблемам будет обращено сознание человеческое более, чем оно было обращено до сих пор. На этих вопросах я и думаю сосредоточиться. Но, прежде чем перейти к самому существу основных вопросов философии истории или, вернее, метафизики истории, я должен сделать введение, посвященное анализу сущности исторического.

Что такое «историческое»? Для понимания «исторического», для того, чтобы мысль была обращена и к восприятию «исторического», и к его осмысливанию, необходимо пройти через некое раздвоение. В те эпохи, когда дух человеческий пребывает целостно и органически в какой-либо вполне кристаллизованной, вполне устоявшейся, вполне осевшей эпохе, не возникают с надлежащей остротой вопросы философии, вопросы об историческом движении и о смысле истории. Пребывание в целостной исторической эпохе не благоприятствует историческому познанию, построению философии истории. Нужно, чтобы произошло расщепление, раздвоение в исторической жизни и в человеческом сознании для того, чтобы явилась возможность противоположения исторического объекта и субъекта, нужно, чтобы наступила рефлексия, для того, чтобы началось историческое познание, для того, чтобы получилась возможность построения философии истории. Поэтому я думаю, что можно представить в виде такой схемы три периода отношения к «историческому». И я сейчас определяю, как относится каждый из этих периодов к историческому познанию. Первый период — период непосредственного, целостного, органического пребывания в каком-нибудь устоявшемся историческом строе. Этот период, конечно, очень интересен для исторического познания, но в нем историческое познание еще не зарождается. Это период, в котором мысль статична, и поэтому динамичность объекта исторического познания очень плохо воспринимается человеческим умом. Второй период — неизбежно, роковым образом всегда и всюду наступающий период раздвоения, расщепления, когда утвердившиеся исторические устои начинают расшатываться в своих основах,

начинается историческое движение, исторические катастрофы и катаклизмы, которые могут быть разного темпа, но органический лад и ритм целостной жизни прекращается. Вот когда начинается это раздвоение и расщепление: познающий субъект не чувствует себя непосредственно и целостно пребывающим в самом историческом объекте, зарождается рефлексия исторического познания. Этот второй период важен для исторической науки, но для настоящего построения философии истории, для настоящего осмысливания исторического процесса он все-таки неблагоприятен, потому что в нем происходит разрыв между субъектом и объектом, выведение рефлектирующего субъекта из той жизни, в которой он непосредственно пребывал. Происходит разобщение с самой этой внутренней жизнью, с самим «историческим». Происходит противоположение между «историческим» и познающим, которое отдаляет от него внутреннюю сущность «исторического». В этом периоде возникает историческая наука, в этом периоде может даже возникнуть историзм в смысле общей точки зрения на культуру. Но — и это один из парадоксов этой области, к которому мы будем не раз возвращаться, — между «историческим» и «историзмом» существует не тождество, а огромная разница и даже противоположность. Историзм, свойственный исторической науке, сплошь и рядом бывает очень далек от тайны «исторического». Он к ней не подводит. Он потерял все способы сообщения с этой тайной. Историзм не познает, не понимает, — мало того, он отрицает «историческое». Для того, чтобы приобщиться к внутренней тайне «исторического», в которой пребывает непосредственно человек в органическую целостную эпоху человеческой жизни, которую, пребывая в ней, он не познает, над которой он не рефлектирует, для того, чтобы осмыслить «историческое», — для этого нужно пройти через противоположение познающего субъекта познаваемому объекту, нужно по-новому, пройдя через тайну раздвоения, приобщиться к тайне «исторического». Нужно вернуться к тайникам исторической жизни, к ее внутреннему смыслу, к внутренней душе истории для того, чтобы осмыслить ее и построить настоящую философию истории. Это — третий период, третья эпоха, эпоха возвращения к «историческому». И вот, когда я говорю, что катастрофические моменты истории особенно благоприятны для построения философии истории, я имею в виду такие катастрофы духа человеческого, когда он, пережив крушение известного жизненного исторического

строю и лада, пережив момент расщепления и раздвоения, может сопоставить и противопоставить эти два момента — момент непосредственного пребывания в историческом и момент расщепленности с ним, чтобы перейти в третье состояние духа, которое дает особенную остроту сознания, особенную способность к рефлексии, и вместе с тем в нем совершается особенное обращение духа человеческого к тайнам «исторического». Это и есть то состояние, которое особенно благоприятно для постановки вопросов философии истории. Для того чтобы стало ясно, о чем я говорю, утверждая, что второй период, период раздвоения, рефлексии, в котором возникает историческое познание и начинается философия истории, всегда роковым образом недостаточно глубоко, недостаточно проникает в тайники истории, я должен остановиться на характеристике того, что называют эпохой «просвещения» человеческой культуры.

Когда мы говорим об эпохе «просвещения», то речь идет не только о Просвещении XVIII века, классическом периоде «просвещения» в новой истории. Я думаю, что через «просветительный» период проходят культуры всех времен и народов. В развитии культур всех народов есть известная цикличность. Это сходство культурных процессов указывает на органический характер в развитии культур. Греческая культура, одна из величайших культур, которые знало человечество, тоже имела свою эпоху «просвещения», внутренне сходную с той эпохой, которую человечество пережило в XVIII веке. Период софистов есть своего рода расцвет греческой культуры, совершенно с теми же особенностями, которые характерны и для эпохи «просвещения» XVIII века, хотя там были специфически эллинские черты. В основном эпоха «просвещения» греческой культуры так же разрушала священное в историческом, органически-традиционном, предания исторические, как это делала эпоха Просвещения XVIII века, как это делает всякая эпоха «просвещения». Эпоха «просвещения» есть такая эпоха в жизни каждого народа, когда ограниченный и самонадеянный человеческий разум ставит себя выше тайн бытия, тайн жизни, тех божественных тайн жизни, из которых исходит, как из своих истоков, вся человеческая культура и жизнь всех народов земли. И вот, в эпоху «просвещения» начинается постановка человеческого разума вне этих непосредственных тайн жизни и над ними. Для этих эпох характерна попытка сделать малый человеческий разум судьей

над тайнами мироздания и тайнами человеческой истории. При этом, конечно, человек выпадает из непосредственного пребывания в историческом. Эпоха «просвещения» отрицает тайну «исторического». Она отрицает «историческое» как специфическую реальность. Она его разлагает, производит над ним такие операции, что оно перестает быть той первоначальной целостной реальностью, которая и делает его «историческим». Она разобщает человеческий дух и человеческий разум с «историческим». Поэтому эпоха Просвещения XVIII века была глубоко антиисторичной. Хотя в XVIII веке возник самый термин «философия истории», который был впервые употреблен Вольтером, и возник целый ряд исторических книг и произведений, но антиисторизм XVIII века так общеизвестен, что нет надобности на этом особ о останавливаться. Сделалось истиной общепризнанной в философии истории, что лишь романтическое движение, романтическая реакция, направленная против Просвещения XVIII века и в начале XIX, впервые приобщили нас к тайне исторического и сделали возможным настоящим образом познание исторического движения. Только эта реакция духовно вернула нас к тому, что просветительная эпоха преследовала и уничтожала как мифы и предания исторической старины. Она делала попытки их познать и осмыслить, но по-своему. Разум «просветительный», разум эпохи Просвещения XVIII и XIX века есть самоутверждающийся, самоограниченный разум. Это не тот разум, который внутренне приобщен к разуму мировой истории, к разуму самой истории, потому что поистине существует разум истории, с которым этот просветительный разум внутренне разъединяется и становится над ним судьей. «Просветительный» разум притязает быть судьей органического разума истории. Но поистине высший разум должен заключать в себе не только тот объем человеческого самосознания, человеческого разума, который свойствен известной органической эпохе, скажем эпохе XVIII и XIX века со всеми ее недостатками и дефектами. Разум должен быть приобщен и к первобытной мудрости человека, к тем первоощущениям бытия, первоощущениям жизни, которые зарождаются на заре человеческой истории и даже на заре доисторической жизни, в том анимистическом понимании мира, которое свойственно всем народам на самой первоначальной стадии. Эта мудрость, свойственная первоначальным эпохам, проходит затем через внутренние таинственные глубины жизни всей истории человеческого духа, через зарождение

христианства и через Средние века до нашего времени. Только такой разум постигает внутренний свет, который присущ каждой из этих эпох. Только такой разум будет истинным, просвещающим и просветленным разумом. Но это разум «просвещения», который праздновал свои классические победы в XVIII веке, — этот разум знает очень немного, к очень немногому внутренне приобщен, очень немного понимает, с большей частью тайн исторической жизни он внутренне разобщен. Вот эта слепота «просветительного» разума есть внутренняя кара, постигающая его за то самоутверждение, за то самодовольство, с которым этот разум подчинил себе не только все человеческое, но и сверхчеловеческое по своей природе.

В торжестве «просветительного» разума зародилась та наука, которая противопоставляла познающий субъект познаемому объекту истории и в этом направлении совершила очень многое. Ей удалось многое расчлнить, собрать, накопить, частично опознать. Но все это сопровождалось глубоким бессилием в опознании самого существа «исторического». Постепенно происходит такой процесс, в котором само познаваемое отдаляется, теряется из виду, перестает существовать в той своей первоначальной реальности, в которой оно только и может быть названо «историческим» и может раскрыть тайну истории. Этот процесс особенно ясно обнаруживается в области работы исторической критики. Только в XIX веке сделалась возможной настоящая историческая наука, потому что в XVIII веке считали возможным, например, утверждать, что религию выдумали жрецы для того, чтобы обманывать народ. В XIX веке это уже невозможно. Но особенно ясно можно проследить этот процесс в той работе, которая совершается над Священным Преданием в области истории церковной. Это новая область, которая раньше была запретной. Интересно присмотреться, какой же процесс происходит в этой критической работе? В христианском мире все зиждется на Священном Предании, на священной преемственности этого Предания. Историческая критика прежде всего начала его разрушать. Началось это с эпохи Реформации. Реформация впервые начала сомневаться в Священном Предании. Она перестала с ним считаться и, в силу половинчатости, присущей всякой реформации, оставила только Священное Писание. Затем эта работа над разрушением Священного Предания пошла дальше и дальше и привела наконец к разрушению и самого Священного Писания. Поистине, Священное Писание есть не что иное, как неотъемлемая

часть самого Священного Предания. Поэтому, раз отвергается Священное Предание, неизбежно должно быть отвергнуто и Священное Писание. Я привожу этот пример, чтобы показать, как эта историческая критика сделалась совершенно бессильной объяснить самую тайну религиозного явления. Она вокруг этой тайны вращалась, но самой тайны возникновения христианства никак познать не могла. Вся огромная немецкая критическая литература в этой области, имеющая несомненные заслуги в разработке всякого рода материалов, сознает невозможность постигнуть эту тайну. Все уходит из рук, все выпадает из поля зрения. Какая-то основная тайна, которая была дана в приобщении к Преданию, в приобщении субъекта к объекту, исчезает, и остается лишь мертвый материал истории. Я думаю, что тот процесс, который происходит в области критики истории церковной, происходит и в области истории вообще. Потому что поистине существует не только Священное Предание церковной истории, но существует и священное предание истории, священное предание культуры, священные внутренние традиции. И только тогда, когда познающий субъект не разрывает с этой внутренней жизнью, может он приобщиться к ее внутреннему существу. Когда разрывает — он до конца должен пройти путь самоотрицания. Получаются лишь клочья истории, получается какое-то сплошное разоблачение исторических святынь.

Я думаю, что большая заслуга одного из самых интересных направлений в области философии истории, именуемого экономическим материализмом и обоснованного Марксом, заключается именно в том, что оно довело до последнего вывода, до последнего результата тот процесс разоблачения исторических святынь и исторических преданий, который в исторической науке начинается с эпохи Просвещения, но не доводится до конца. Я знаю только одно направление в этой области, которое до конца и последовательно разлагает и умерщвляет все исторические святыни и исторические предания, без компромиссов, совершенно последовательно, — это направление марксистского понимания истории. То заподозривание внутренней тайны «исторического», которое началось в эпоху Просвещения, которое в области религиозной началось еще в эпоху Реформации, которое расцвело в XIX веке и сделалось достоянием всей исторической науки, остановилось на полпути. Все идеологические, в широком смысле слова, направления исторической науки не до конца разоблачают и умерщвляют историческое предание.

Какие-то ключья его все-таки остаются. Один лишь экономический материализм, в циническом заподозрении всякого предания, всякой священной преемственности истории, доходит до конца и совершает акт революционного бунта, революционного восстания против «исторического» до самых последних пределов и выводов. В концепции экономического материализма исторический процесс оказывается окончательно лишенным души. Души, внутренней тайны, внутренней таинственной жизни нет больше ни в чем. Заподозрение святых приводит к тому, что единственной подлинной реальностью исторического процесса оказывается процесс материального экономического производства, и те экономические формы, которые из него рождаются, являются единственно онтологическими, подлинными, первичными и реальными. Все остальное является лишь вторичным, лишь рефлексом, надстройкой. Вся жизнь религиозная, вся духовная культура, вся человеческая культура, все искусство, вся человеческая жизнь есть лишь отражение, рефлекс, а не подлинная реальность.

Происходит окончательный процесс обездушивания истории, умерщвления внутренних ее тайн через изобличение главной ее тайны, которой, по мнению исторического материализма, является тайна производства, рост производительных сил человечества. Этим доводится до конца начавшаяся в эпоху «просвещения» критическая разрушительная работа, отвергающая и самое «просвещение», ибо экономический материализм Маркса преодолевает «просвещение» в той его рационалистической форме, в которой оно расцвело в XVIII веке, и обосновывает своеобразный исторический эволюционизм, вместе с тем изобличая последние расцветы «просветительного» пути. На этом пути дальше идти некуда. Экономический материализм явно обнаруживает невозможность на этом пути постигнуть тайну внутренней судьбы народов, духовной жизни народов, судьбу человечества. Она просто отрицается как проблема, она считается иллюзорной проблемой, порождаемой лишь известными экономическими условиями. Но здесь в экономическом материализме изобличается основное противоречие, которое экономический материализм осмыслить не может, потому что не может возвыситься над ним, но которое бросается в глаза тому, кто подвергает это учение суду философа.

В самом деле, если экономический материализм считает, что все человеческое сознание есть лишь надстройка над экономическими

отношениями, то откуда же берется тот разум самих глашатаев экономического материализма, разум самих Марксов и Энгельсов, который возвышается над этим пассивным отражением экономических отношений? Маркс, создавая учение об экономическом материализме, претендует на обладание такого рода разумом, который возвышается над состоянием пассивного рефлекса экономических отношений. Но если экономический материализм как идеологическое построение является лишь отражением известных производственных отношений, скажем тех отношений, которые создались в XIX веке на почве борьбы между пролетариатом и буржуазией, то непонятно, каким образом глашатаи этого учения могут претендовать на бóльшую истинность, чем все другие, построения которых есть лишь самообман, порождаемый этим рефлексом. Ведь тогда это — одна из иллюзий, порожденных все той же экономической действительностью. Поэтому в марксизме доведены до конца притязания и самомнение «просветительного» разума. Он думает, что обладает тем просветительным и просвещающим разумом, который возвышается над всемирно-историческими судьбами человечества, над всей его духовной жизнью, над всеми человеческими идеологиями, видит все их заблуждения и иллюзии, являющиеся таким же отражением экономического процесса, как и он сам. Это — стремление сочетать притязания просветительного разума с мессианскими притязаниями, близкими к мессианским притязаниям древнего Израиля, потому что это — притязание на единственное, несущее свет сознание, — свет, претендующий быть не одной из идеологий, но единственной и окончательной, окончательным светом, избобличающим тайну исторического процесса. Но избобличает он не тайну исторического процесса, а отсутствие этой тайны, избобличает страшную зияющую пустоту исторических судеб человечества, жуткую пустоту человеческой истории, избобличает небытие человеческого духа, небытие всей духовной жизни человечества, религии, философии, всякого человеческого творчества, наук, искусств и т. д. Марксизм утверждает, что все это — небытие. В этом своеобразная сила и могущество марксизма. Я думаю, что отрицательная заслуга такого построения очень велика, потому что оно убивает всякие половинчатые, полуидеологические направления, которые сложились в XIX и XX веке, и ставит дилемму: или приобщиться к этой тайне небытия, погрузиться в бездну небытия, — или вернуться к внутренней тайне человеческой судьбы, вновь соединить-

ся с внутренними преданиями, внутренними святынями, пройдя через горнило величайших испытаний, величайших соблазнов, пройдя все стадии этой разрушительной, критической, отрицательной эпохи.

Историческое познание и философия истории должны иметь свою гносеологию и свою теорию познания, как и всякая область человеческого познания. То, что я сказал до сих пор, можно отнести именно к этой области. Все это в конце концов ведет к одной цели — опознать существо «исторического» как некоторой особой реальности, существующей в иерархии реальностей, из которых состоит бытие. Это есть опознание совершенно особого, совершенно своеобразного объекта, неразложимого на другие объекты, материальные или духовные. Конечно, нельзя смотреть на «историческое» как на реальность материального порядка, физиологического, географического или какого-нибудь другого. Точно так же немислимо разлагать историческую реальность на какие-либо психические реальности. «Историческое» есть некоторый спецификум, есть реальность особого рода, особая ступень бытия, реальность особого порядка. И вот, признание исторического предания, исторической традиции, исторической преемственности имеет особенное значение для опознания этого специфически «исторического». Вне категории исторического предания невозможно историческое мышление. Признание предания есть некоторое *a priori* — некоторая абсолютная категория для всякого исторического познания. Вне этого есть лишь какие-то ключья. Тот процесс, который производит над историей исторический материализм, неизбежно приводит к распылению исторической реальности, превращению ее в сыпучий песок. Историческая реальность есть прежде всего реальность конкретная, а не абстрактная, и никакой другой конкретной реальности, кроме исторической, не существует и существовать не может. Именно «историческое» есть сращенная форма бытия. Ведь конкретный по своему буквальному смыслу и значит сращенный в противоположность абстрактному, как разорванному, разъединенному, расщепленному. В истории нет ничего абстрактного, отвлеченного. Все абстрактное по существу противоположно историческому. Это социология имеет дело с отвлеченным, с абстрактным, а история — только с конкретным. Социология оперирует с такими понятиями, как понятие класса, понятие социальной группы, — все это абстрактные категории. Социальная группа, класс — это мысленное

построение, в действительности не существующее. «Историческое» есть объект совершенно другого порядка. «Историческое» не только конкретно, но и индивидуально, в то время как социологическое не только абстрактно, но и общее. Социология не оперирует ни с какими индивидуальными понятиями, а история только с ними. Все подлинно историческое имеет индивидуальный и конкретный характер. На эту землю в такой-то день вступил Иоанн Безземельный, говорит Карлейль, самый конкретный и индивидуализирующий из историков, — вот в чем история. Есть даже попытка построить философию истории на почве принципов кантовской философии, попытка Риккерта из школы Виндельбанда, которая базируется на том, что историческое познание тем и отличается от естественно-научного, что оно всегда вырабатывает понятие об индивидуальном, тогда как естественно-научное — об общем. В той форме, как поставлено это Риккертом, это довольно односторонне, но, во всяком случае, он поставил ту интересную проблему, что мы в историческом действительно имеем дело с конкретным и индивидуальным. Ложна же эта постановка проблемы в том отношении, что общее само может быть индивидуальным. Возьмем, например, понятие «историческая нация». Это понятие общее, но вместе с тем конкретная историческая нация есть понятие совершенно индивидуальное. Вековой спор номиналистов и реалистов обнаруживает недостаточное проникновение в тайну индивидуального. Платону не раскрывалось еще индивидуальное. Познание бытия, как градация индивидуальностей, не означает номинализма, ибо «общее» может быть признано индивидуальностью. Противоположение между историческим и социологическим очень важно установить для всего дальнейшего. Чтения мои будут посвящены не вопросам социологии, а вопросам философии истории, познанию исторических судеб. Поэтому я и называю свои чтения «Судьба человека»: это есть конкретная задача философии истории. Философия истории, историческое познание, есть один из путей к познанию духовной действительности. Это есть наука о духе, приобщающая нас к тайнам духовной жизни. Она имеет дело с той конкретной духовной действительностью, которая гораздо более богата и более сложна, чем та, которая открывается, например, в индивидуальной человеческой психологии. Именно философия истории берет человека в конкретной полноте его духовной сущности, в то время как

психология, физиология и другие области знания, которые тоже имеют дело с человеком, берут его не конкретно, а с отдельных лишь сторон. Философия истории берет человека в совокупности действия всех мировых сил, т. е. в величайшей полноте, в величайшей конкретности. По сравнению с этой конкретностью абстрактны все другие способы рассмотрения человека. Человеческая судьба постигается только в этом конкретном познании философии истории. Человеческая судьба в других научных дисциплинах не рассматривается, так как человеческая судьба есть совокупность действий всех мировых сил. И эта совокупность мировых сил и порождает действительность высшего порядка, которую мы именуем исторической действительностью. Это особая и высшая духовная действительность. И хотя в истории действуют и играют крупную роль и материальные силы, и экономические факторы, так что в историческом материализме, который я духовно отрицаю, нельзя не признать частичной истины, но материальный фактор, действующий в исторической действительности, и сам имеет глубочайшую духовную почву. Он является в последнем счете духовною силою. Историческая материальная сила есть часть духовной исторической действительности. Вся экономическая жизнь человечества имеет духовный базис, духовную основу. К этому придется еще вернуться, когда я буду по существу говорить о разных вопросах философии истории.

Человек есть в высочайшей степени историческое существо. Человек находится в историческом, и историческое находится в человеке. Между человеком и «историческим» существует такое глубокое, такое таинственное в своей первооснове сращение, такая конкретная взаимность, что разрыв их невозможен. Нельзя выделить человека из истории, нельзя взять его абстрактно, и нельзя выделить историю из человека, нельзя историю рассматривать вне человека и нечеловечески. И нельзя рассматривать человека вне глубочайшей духовной реальности истории. Я думаю, что «историческое» нельзя, как это в большинстве случаев пытаются делать различные направления в философии истории, рассматривать только как феномен, только как явление внешне воспринимаемого мира, данного нашему опыту, и противопоставлять его в том смысле, в каком противопоставляет Кант, действительности ноуменальной, самой сущности бытия, внутренней сокровенной действительности. Я думаю, что

история и историческое не есть только феномен. Я думаю — и это есть самая радикальная предпосылка философии истории, — что «историческое» есть ноумен. В «историческом» в подлинном смысле раскрывается сущность бытия, раскрывается внутренняя духовная сущность мира, а не внешнее только явление, внутренняя духовная сущность человека. «Историческое» глубоко онтологично по своему существу, а не феноменально. Оно внедряется в какую-то глубочайшую первооснову бытия, к которой оно нас приобщает и которую делает понятной. «Историческое» есть некоторое откровение о глубочайшей сущности мировой действительности; о мировой судьбе, о человеческой судьбе как центральной точке судьбы мировой. «Историческое» есть откровение о ноуменальной действительности. Подход к ноуменально «историческому» возможен через глубочайшую конкретную связь между человеком и историей, судьбой человека и метафизикой исторических сил. Для того чтобы проникнуть в эту тайну «исторического», я должен прежде всего постигнуть это историческое и историю как до глубины *мое*, как до глубины *мою* историю, как до глубины *мою* судьбу. Я должен поставить себя в историческую судьбу и историческую судьбу — в свою собственную человеческую глубину. Самой глубине человеческого духа раскрывается присутствие какой-то исторической судьбы. Все исторические эпохи, начиная с самых первоначальных эпох и кончая самой вершиной истории, эпохой нынешней, — все есть моя историческая судьба, все есть мое. Здесь нужно идти по пути прямого противоположения тому пути, по которому идет критическая разрушительная работа в отношении к историческому процессу, которая разобщает человека, человеческий дух и историю и делает их непонятными, враждебными, чуждыми друг для друга. Нужно идти обратным путем, нужно постигать весь исторический процесс не как чужое мне, не как такой процесс, против которого я восстаю, не как навязанное мне, не как давящее меня, порабащивающее меня, против которого я восстаю и в своей деятельности, и в своем познании, — так можно идти только к зияющей пустоте и зияющей бездне, которая разверзается в истории и в самом человеке. Обратный же путь, по которому нужно идти и на котором можно построить истинную философию истории, есть путь глубокого тождества между *моей* исторической судьбой и судьбой человечества, так глубоко родной мне. В судьбе человечества я должен опознать мою родную судьбу, и в моей судьбе я должен опознать

историческую судьбу. Только таким путем можно приобщиться к внутренней тайне «исторического», открыть величайшие духовные судьбы человечества. И обратно, только таким путем можно раскрыть в себе самом не пустоту своей уединенности, в противоположении себя всему богатству мировой исторической жизни, а опознать все богатства и ценности в себе самом, соединить свою внутреннюю индивидуальную судьбу с всемирной исторической судьбой. Поэтому настоящий путь философии истории есть путь к установлению тождества между человеком и историей, между судьбой человека и метафизикой истории. Поэтому я и назвал свои чтения: судьба человека (метафизика истории).

История, как величайшая духовная реальность, не есть данная нам эмпирия, голый фактический материал. В таком виде истории не существует и ее опознать нельзя. История опознается через историческую память как некоторую духовную активность — как некоторое определенное духовное отношение к «историческому» в историческом познании, которое оказывается внутренне, духовно преображенным и одухотворенным. Только в процессе одухотворения и преображения в исторической памяти уясняется внутренняя связь, душа истории. Это так же верно для опознания души истории, как верно для опознания души человеческой, потому что личность человеческая, не связанная памятью в нечто единое, не дает возможности опознать душу человеческую как некоторую реальность. Но историческая память, как способ опознания «исторического», неразрывно связана с историческим преданием, вне его не существует и исторической памяти. Отвлеченное пользование историческими документами никогда не дает возможности опознать «историческое». Оно не приобщает к нему. Кроме работы над этими историческими памятниками, работы, конечно, очень важной и необходимой, нужна еще и преемственность исторического предания, с которым связана историческая память. Только здесь завязывается какой-то узел в глубине, связывающей духовную судьбу человека и духовную судьбу истории. Вы не поймете ни одной из великих исторических эпох, будь то эпоха Ренессанса, эпоха расцвета средневековой культуры, зарождения раннего христианства или период расцвета эллинской культуры, вы не поймете ни одной из этих великих эпох иначе как путем исторической памяти, в откровениях которой узнаете свое духовное прошлое, свою духовную культуру, свою родину. Вы должны переносить свою духовную судьбу во все

великие эпохи для того, чтобы постигнуть их. Когда вы берете их только извне — они для вас внутренне мертвы. Но эта историческая память, которая заставляет нас внутренне приобщиться к «историческому», неразрывно связана с историческим преданием. Историческое предание и есть эта внутренняя историческая память, перенесенная в историческую судьбу. Философия истории есть некоторое одухотворение и преображение исторического процесса. В известном смысле историческая память объявляет жесточайшую борьбу вечности с временем, и философия истории всегда свидетельствует о величайших победах вечности над временем и тлением. Она говорит о победе нетленности. Она есть памятник победы духа нетления над духом тления. Историческое познание и философия направлены, в сущности, не на эмпирическое — они имеют своим объектом загробное существование. Подобно тому как есть загробный мир, когда говорят об индивидуальном существовании, точно так же, когда мы обращаемся к великому историческому прошлому, это есть обращение к потустороннему миру. Поэтому в исторической памяти, в обращении к прошлому, есть всегда какое-то совершенно особое чувство приобщения к другому миру, а не только к той эмпирической действительности, которая нас со всех сторон давит, как кошмар, и которую мы должны победить, чтобы подняться на какую-то новую высоту, к той исторической действительности, которая есть подлинное откровение иных миров. И философия истории есть философия не эмпирической действительности, а философия миров загробных. Когда вы блуждаете в римской Кампании, где произошло таинственное слияние мира загробного с миром историческим, где исторические памятники сделались явлениями природы, вы приобщаетесь к какой-то иной жизни, к тайнам прошлого, к тайнам загробного мира, приобщаетесь к тайнам мира, в котором вечность побеждает тлен и смерть. Поэтому истинная философия истории есть философия победы истинной жизни над смертью, есть приобщение человека к другой, бесконечно более широкой и богатой действительности, чем та, в которую он ввергнут непосредственной эмпирией. Если бы для индивидуального человека не существовало путей приобщения к опыту истории, то как жалок, пуст и смертен по всему своему содержанию был бы человек! Но человек в своей настоящей жизни не только тогда, когда он строит философию истории — он этим редко занимается, — но и во многих духовных актах своей жизни находит истин-

ную реальность великого исторического мира через историческую память, через внутреннее предание, через внутреннее приобщение судеб своего индивидуального духа к судьбам истории. Он приобщается к бесконечно более богатой действительности, он побеждает этим тленность и малость свою, преодолевает свой бедный и сууженный кругозор.

ГЛАВА II

О сущности исторического. Метафизическое и историческое

История не есть объективная эмпирическая данность, история есть миф. Миф же есть не вымысел, а реальность, но реальность иного порядка, чем реальность так называемой объективной эмпирической данности. Миф есть в народной памяти сохранившийся рассказ о происшествии, совершившемся в прошлом, преодолевающий грани внешней объективной фактичности и раскрывающий фактичность идеальную, субъект-объективную. Мифология, по глубокомысленному учению Шеллинга, есть первоначальная история человечества. Но помимо мифов, которые уходят в глубину прошлого, различные исторические эпохи насыщены элементами мифотворчества. Каждая великая историческая эпоха, даже и в новой истории человечества, столь неблагоприятной для мифологии, насыщена мифами, — так, например, Великая французская революция, которая была недавно, при ярком свете рационалистического дня. История о ней насыщена мифами, был создан миф о Великой французской революции; миф этот поддерживался, а не разрушался историками в течение очень долгого периода времени, и только сравнительно позднее историки начали разрушать его, как это сделал Тэн в своей истории революции. Такие мифы существуют об эпохе Ренессанса, об эпохе Реформации, об эпохе Средневековья, я не говорю уже о более отдаленных исторических эпохах, когда мысль не была еще просвещена ярким светом разума. Мы не можем понять исключительно объектной истории. Нам нужна внутренняя, глубинная, таинственная связь с историческим объектом. Нужно, чтобы не только объект был историчен, но чтобы и субъект был историчен, чтобы субъект исторического познания в себе ощущал и в себе раскрывал «историческое». Только по мере раскрытия

в себе «исторического» начинает он постигать все великие периоды истории. Без этой связи, без собственной внутренней «историчности» не мог бы он понять историю. История требует веры, история — это не простое насилие над познающим субъектом внешних объективных фактов, это есть некоторый акт преобразования великого исторического прошлого, в котором совершается внутреннее постижение исторического объекта, внутренний процесс, роднящий субъект с объектом. При полной оторванности их постижения не может быть. Все это меня привело к тому, что на историческое познание должно быть распространено с некоторыми изменениями платоновское учение о познании как припоминании. Поистине всякое проникновение в великую историческую эпоху тогда лишь плодотворно, тогда есть подлинное познание, когда оно есть внутреннее припоминание, внутренняя память всего великого, совершившегося в истории человечества, какое-то глубинное соединение, отождествление того, что совершается внутри, в самой глубине духа познающего, с тем, что было когда-то в истории, в разные исторические эпохи.

Каждый человек по своей внутренней природе есть некий великий мир — микрокосм, в котором отражается и пребывает весь реальный мир и все великие исторические эпохи; он не представляет собой какой-то отрывок вселенной, в котором заключен этот маленький кусочек, он являет собой некоторый великий мир, который может быть по состоянию сознания данного человека еще закрытым, но, по мере расширения и просветления его сознания, внутренне раскрывается. В этом процессе углубления сознания раскрываются все великие исторические эпохи, вся история мира, с которой имеет дело историческая наука, проводящая все через критику памятников, исторических письмен, археологии и т. п. Но если есть внешний повод, толчок, исходная точка для какого-то глубинного припоминания, человек должен в самом себе познать историю, постигнуть ее, раскрыть, например, глубочайшие пласты эллинского мира, чтобы поистине постигнуть историю Греции, историк должен раскрыть в себе глубинные пласты мира древнееврейского, чтобы постигнуть эту историю. Итак, можно сказать, что в этом микрокосме заключены все исторические эпохи прошлого и этого человек не может в себе задавить пластами времени и ближайшей исторической жизни; это может быть прикрыто, но никогда не мо-

жет быть окончательно задавлено. Этот процесс внутреннего просветления и внутреннего углубления должен привести к тому, что через эти пласты человек прорвется внутрь, в глубь времен, потому что идти в глубь времен — значит идти в глубь самого себя. Только в глубине самого себя человек может найти настоящим образом глубину времен, потому что глубина времен не есть что-то внешнее, чуждое человеку, извне ему данное, извне ему навязанное, глубина времен есть глубочайшие сокровенные пласты внутри самого человека, пласты лишь прикрытые, лишь оттесненные узостью сознания на второй или третий план. Исторические мифы имеют глубокое значение для этого процесса припоминания; в историческом мифе дан передающийся в народной памяти рассказ, помогающий припомнить в глубине человеческого духа какой-то внутренний пласт, связанный с глубиной времен. Процесс отчуждения субъекта от объекта, который создается просветительной критикой, критикой сознания, может дать материал для исторического познания, но, поскольку он убивает миф и отрывает глубину времен от глубины человека, он отрывает человека и от истории. Все это приводит нас к переоценке и новой оценке значения предания для внутреннего постижения истории. Это историческое предание, которое историческая критика думала разрушить, является путем для великого сокровенного акта припоминания, и, поистине, в предании историческом человек имеет не внешний импульс, не внешне навязанный факт, чуждый ему, а внутренний, сокровенный, скрытый внутри таинственной жизни, в котором он узнает самого себя, с которым он связан в неразрывное целое. Это вовсе не значит, что предание не подлежит исторической критике и что всякое предание в том виде, в каком оно существует, должно приниматься безапелляционно, на веру и на нем должна останавливаться историческая наука, — я не это хочу сказать, — думаю, что историческая критика очень многое сделала в области критики предания, имеющего характер объективно-непреложный и объективно-научный, что восстанавливать традиционную историю, покоящуюся на предании, нет основания. Я хочу сказать, что в предании есть внутренняя ценность, указывающая не на то, что все так произошло, как говорится, напр., в предании об основании Рима, предании, которое было разрушено Нибуром и последними историками, а на то, что в предании, сохранившемся в народной памяти, скрыт какой-то намек,

символика исторических судеб этого народа, имеющая первостепенное значение для построения философии истории и для постижения внутреннего ее смысла. Историческое предание есть нечто большее, чем познание исторической жизни, потому что в символическом предании раскрывается внутренняя жизнь, глубина действительности, преемственно связанная с тем, что раскрывает человек путем внутреннего духовного самопознания. Эта связь предания с тем, что раскрывается в самопознании, представляется в высшей степени ценной. Внешние факты истории имеют огромное значение. Но гораздо большее значение имеет для построения философии истории эта внутренняя таинственная жизнь, не прерывающаяся и во внешней текучей длительности, — и именно она говорит нам, что история дана нам не извне, а изнутри, и мы в конце концов, воспринимая историю, конструируем ее в большей зависимости и большей связи с внутренними состояниями нашего сознания, внутренней его широтой и внутренней его глубиной. И вот то состояние сознания, самопознания, которое постулирует и предполагает историческая критика и объективная историческая наука как единственно верное, есть состояние сознания очень суженное и выброшенное на поверхность. В этом — аберрация исторической критики; многое кажется объективным, неопровержимым, убедительным в этой критике лишь для первоначального поверхностного пласта сознания, но когда переходишь в глубину, когда расширяешь сознание, то видишь, что это не есть истинное сознание и что глубина лежит внутри исторической действительности. Когда вы читаете научную книгу по истории, скажем по истории древних народов, то ясно чувствуете, что из истории культуры этих народов окончательно вынута душа, вынута внутренняя жизнь, что вам дается какой-то внешний снимок, внешний рисунок. Все это приводит к тому выводу, что так называемая «историческая критика» есть лишь один момент в развитии истории, через который проходит человек в своем познании, один из моментов, не самых существенных и менее всего глубоких, после которого человек вступает в какой-то совершенно другой период, в какие-то другие отношения к историческому процессу. Тогда меняется и по-новому осмысливается то внутреннее предание, тот внутренний миф истории, который в период исторической критики был отвергнут.

Темой истории, как я уже говорил с самого начала, является судьба человека в земной человеческой жизни, и эта судьба чело-

века, осуществляющаяся в истории народов, постигается прежде всего как судьба человека в духе познающего. История мира, история человечества свершается не только в объекте, не только объективно свершается в макрокосме, но свершается и в микрокосме. Вот эта связь постижения истории в микрокосме с постижением истории в макрокосме, столь необходимая для метафизики истории, предполагает исключительное сближение и особое отношение между историческим и метафизическим. Противоположение исторического и метафизического, которое является преобладающим пониманием в течение долгого периода в науке и философии, а также и в некоторых формах сознания религиозного, как, например, в сознании индусском, не предполагает возможности явления метафизического в историческом, возможности того, что исторический факт не есть только внешний, эмпирический факт, который методологически должен быть всегда противоположен всему метафизическому. Другая точка зрения предполагает, что метафизическое может непосредственно перейти в историческое и в нем быть явлено. Эта точка зрения, как мы увидим дальше, особенно благоприятная для построения философии истории, предполагает какой-то центр истории, где метафизическое и историческое соединены. Только в христианской философии истории, как я постараюсь показать, поистине сближается и отождествляется метафизическое и историческое. То понимание предания, о котором я говорил как об источнике глубочайшего познания исторической действительности и духовной действительности, есть принятие его как внутренней жизни познающего духа, а не как авторитета. Чуждость человеческого духа этому преданию означала бы внешнюю навязанность предания. Поистине должно быть такое отношение к преданию: оно есть некоторая свободная, духовная преемственная связь внутри человека, оно значит не нечто трансцендентное, навязанное человеку, а имманентное. Только такое понимание предания есть истинное, дающее возможность построения философии.

Теперь подойдем с новых сторон, с новых точек зрения к вопросу о сущности исторического. Я ставлю вопрос: каким образом в истории человеческого сознания, в истории человеческого духа конструировалось «историческое»? Каким образом человеческое сознание пришло к тому, что осознало историческое свершение, исторический процесс? Каким образом впервые пришло сознание, что история свершается, что есть особая реальная действительность,

СОДЕРЖАНИЕ

СМЫСЛ ИСТОРИИ	5
<i>Приложение. Воля к жизни и воля к культуре.</i>	173
РУССКАЯ ИДЕЯ	187
САМОПОЗНАНИЕ	
<i>Опыт философской автобиографии</i>	405
<i>Добавления. Тяжелые годы.</i>	710
ЦАРСТВО ДУХА И ЦАРСТВО КЕСАРЯ	
<i>Гносеологическое введение</i>	727

Бердяев Н.

Б 48   Смысл истории ; Русская идея ; Самопознание : философские труды / Николай Бердяев. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 832 с. — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-20893-3

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) — крупнейший русский философ первой половины XX века, представитель религиозного экзистенциализма и персонализма. Его идеи оказали влияние не только на русскую, но и мировую культуру. В настоящее издание вошли важнейшие работы, отражающие эволюцию взглядов автора: «Смысл истории» (опубл. 1923), «Русская идея» (1946), «Самопознание» (1949), «Царство Духа и царство кесаря» (1951).

Все творчество Н. А. Бердяева, высланного из России «философским пароходом», тем не менее теснейшим образом связано с родиной — ее исторической судьбой, идеологическими и религиозными устоями. Эта тема проходит лейтмотивом в «Русской идее» или «Смысле истории», явственно звучит и в «Самопознании» — удивительном «опыте философской автобиографии», и в последнем труде Бердяева «Царство Духа и царство кесаря», изданном посмертно.

УДК 141.82
ББК 87.3(2)6

Литературно-художественное издание

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕРДЯЕВ
СМЫСЛ ИСТОРИИ
РУССКАЯ ИДЕЯ
САМОПОЗНАНИЕ

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Светлана Федорова,
Татьяна Бородулина, Елена Терскова, Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 28.02.2022. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 52. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-NFB-29888-01-0R